

Александр ПУРИЧ, Михаил ХМЕЛЕВСКИЙ

О ПОНЯТИЯХ ГЕРОИЗМА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: РУССКИЕ И СЕРБСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

About the Concepts of Heroism in Slavic Languages: Russian and Serbian Parallels

Keywords: *Serbian language, Russian language, Semantic lexicography, Etymology, Hero*

Contact: *Sorbonne Université; alexandrpuric@gmail.com; СПбГУ; chmelevskij@mail.ru*

Европейские языки зачастую используют общие узнаваемые и давно устоявшиеся межъязыковые интернационализмы, выражающие концептуальные понятия, которые нередко подменяют уже существующие однокоренные лексемы с похожими или близкими значениями. Яркий пример тому – греческое слово *ἥρως*, укоренившийся в большинстве европейских языков (фр. *héros*, англ. *hero*, ит. *eroe* и т.д.) и проникшие в восточнославянские преимущественно посредством польского (русск. *герой*). Русский язык здесь не исключение, в особенности, когда прецедентный текст – название произведения М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – обрело дополнительную ассоциативно-культурологическую значимость для носителя русского менталитета и культуры в сравнении с древними фольклорными сюжетами из былины «Три богатыря». Общеευропейская русская лексема *герой* стала определенным способом выражения первого понятия наряду с существующим синонимом *богатырь* (от гр. *ἥρως*) в разных территориально и географически очерченных ареалах восточнославянских. Даже сегодня однокоренные лексемы со словом *богатырь* в значении «герой» широко употребляются в тюркских, монгольских, а также западнославянских языках. Некоторые другие языки славянского языкового ареала в ходе становления обогатили свой словарный запас путём сохранения однокоренных синонимов, в частности, сербский язык, где, помимо греческой по своему происхождению лексемы *херој*, более частотно употребляется сербский семантический аналог *јунак* и турцизм *делија*. Исходя из постулата, что каждый синоним имеет свою тождественную смысловую нагрузку в рамках своего лингвокультурологического контекста, в настоящей главе анализируется и с культурологической точки зрения обосновывается глубинная этимологи-

ческая семантика данных слов, а также их расхождения и отличия от исконного значения корня в языке-оригинале, смысл которых послужил мотивировкой и толчком для формирования и развития собственно своих славянских национальных понятий в рамках лексико-семантической группы «герой».

Греческий античный герой. Греческое *ἦρως* мотивируется именем древнегреческой богини, жены Зевса – Геры (*Ἥρα*). Гипотеза праиндоевропейского происхождения возводит корень **ser-*, от которого происходит латинское *servō* – «наблюдаю, слежу, сторожу, охраняю», именно к этому древнему значению. Однако Р. Бекес, автор этимологического словаря греческого языка, отрицает подобные предположения, считая более вероятным догреческое, а не индоевропейское происхождение названия богини, равно как и самого слова *ἦρως* (Beekes 2010: 316). Данную теорию также поддерживает и лингвист Д. Дилите, ссылаясь в своём труде «Античная Литература» на греческого грамматика Сервия: «Её имя, наверное, не индоевропейское. С этой точки зрения она объясняет грамматик Сервий (IV в. н. э.), утверждающий, что слово *Γερα* означает "земля", а производное *γεροι* – это буквально "дети земли" (Serv. Verg. Buc. IV 35)» (Дилите). Древнегреческо-русский словарь даёт следующие значения этого слова: 1) «название богатырей и витязей древних времён, напр. царей и воинов Троянской войны» и 2) «название полубогов, т.е. людей, происходящих от бога и после смерти причисленных к богам» (Вейсман 2006: 592). Итак, мы отмечаем следующие исконные и общие семантические черты: прежде всего, это доблестный человек, превосходящий людские качества благодаря своей воинственной славе. Мифологическая и эпическая связь здесь, несомненно, очевидна. Она отражается в божественном родстве и ассоциациях с пантеоном, т.е. с возможностью обрести бессмертие, которое благословляется или претерпевает препятствия в борьбе с существами потустороннего мира. Помимо преданий, память о них сохранилась также и в виде их почитания, то есть так называемого культа героев, чьим гробницам или святилищам издревле поклонялись. Их почитание отличалось от культа предков тем, что оно было не семейным или родовым, а общегражданским. Отметим, что не только всем известные герои стали предметами поклонения, но и местные почитаемые, соответственно со своими локальными и национальными специфическими чертами и характеристиками. В связи с этим следует вспомнить до сих пор ещё живой культ Нартов и Дзуаров, героев-богатырей в культуре народов Северного Кавказа, особенно у осетин, в рамках современного язычества или допустимых Православной Церковью ассоциаций некоторых Дзуаров, как, например, Уаесгерги, Елиа и др., со схожими по образу и качествам святыми Православной Церкви – Георгием Победоносцем или пророком Ильей. В связи с этим стоит также упомя-

нуть обычаи почитания святых в Христианстве, который также заключают в себе память о людях, совершивших подвиг, но, в отличие от северокавказских народов, прежде всего духовный, хотя также иногда и героический в греческом смысле, о чём свидетельствует факт канонизации вышеупомянутого Георгия Победоносца или Александра Невского в православной ветви христианства.

Аналоги героя в индоевропейском контексте. О вопросе этимологии.
Установив основные черты исконного понятия греческого *ἥρωας*, мы уже провели аналогии с ранее упомянутыми кавказскими образами Нартов и Дзуаров. Нарты – герои-богатыри, а Дзуары – небожители и покровители, с которыми Нарты имеют прямую связь. Здесь нельзя не упомянуть богатырей, основных персонажей былинных эпосов. В действительности у них есть одна существенная общая и объединяющая с греческими героями и кавказскими Нартами черта – это воинская сущность, мужественная нравственность, сверхчеловеческая одарённость и борьба с неземными чудовищами. В этой связи любопытно отметить, что персонажа восточнославянского фольклора Илью Муромца канонизировали и причислили к лику святых, что косвенно отсылает нас к факту канонизации осетинских Дзуаров Православной церковью, хотя в данном случае мы, несомненно, находим и различия, поскольку здесь речь не идёт об ассоциации двух похожих ликов, а о канонизации отдельного персонажа без отсылки к уже существующему в христианской агиологии святому.

Этимология слова *богатырь* также неоднозначна. Общепринятая гипотеза – это его тюркское происхождение, что поддерживается данными этимологического словаря М. Фасмера: **bayatur* – «смелый, военачальник» (Фасмер 1986: 183). Можно также отметить, что распространение данного слова превосходит тюркский ареал (см. турецк. *bahadır*, татарск. *батыр*, киргизск. *баатыр*, тувинск. *маадыр*), поскольку эта лексема с таким корнем проникла даже в алтайскую языковую группу, а также и монгольскую группу (монгольск. *баатар*, калмыкск. *батр*) и даже частично в финно-угорский языковой континуум (см. венг. *bátor* – «смелый»), вплоть до нетюркских языков кавказского ареала (см. аварск. *багъадур*, адыгейск. *батыр* в значении «герой»). Однако, несмотря на то что другая теория далеко не однозначная, стоит упомянуть о мнениях вероятности индоевропейского происхождения рассматриваемого слова, как, например, А.Г. Преображенского, автора «Этимологического словаря русского языка» (Преображенский 1949: 33), или российского лингвиста-этимолога П.Я. Черных (Черных 1999: 99). Предполагаемое иностранное происхождение слова поднимает вопрос о появлении слова в русских текстах российский славист И.И. Срезневский в Материалах для «Словаря древнерусского языка» и находит упо-

требления слова «богатырь», которые восходят ещё к XII веку. Помимо этой формы, которая сохранилась до настоящего времени, сосуществовала также и форма *богатырь*, более напоминающая персидскую. Отметим, что это слово в древнерусских памятниках употребляется для описания русских воинов (напр., «К Демьяну богатырю Куденевичу»: *убиша же (половцы) тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича*), а также и иностранных (напр., «Янь Ушмосвецъ убивый Печенежского богатыря»: *поиде противу Татарского богатыря*) (Срезневский 1893: 127).

Герой эпох Возрождения и Современности. Мы с уверенностью можем констатировать, что лексема и понятие «богатырь» существовали еще во времена средневековья параллельно с греческим аналогом, однако только это слово вошло в русский лексикон, став узуально и концептуально основным и наиболее частотным в культурологическом плане, при этом мы не говорим о «богатырях» в произведениях искусства, а исключительно в рамках концептуальных понятий «герой» и «героизм». Подчеркнём, что в данном случае образ героя преобразился из полубога в главного персонажа любого древнерусского произведения, пройдя длительный процесс, который можно проанализировать с этимологической точки зрения в сопоставлении с другими современными европейскими языками, например, с французским. Сам французский термин *héros*, который содержит в себе исконный ряд античных древнегреческих концептуальных значений, появился всего лишь в XIV в. посредством латинского языка, хотя героизм воспевался во французских песнях уже задолго возникновения этого же понятия непосредственно в языке. Отсутствовало имя нарицательное и употреблялось только прилагательное *preux* (ср. др.русск. в значении «храбрый»). И только с XVII в. (Orthodidacte) *héros* приобретает семантическое наполнение, известное нам сегодня, т.е. «лицо, являющееся для кого-либо предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания», или «главное действующее лицо в романе, пьесе, фильме и т.п.». Можно считать, что эволюция этого слова испытало на себе процесс формирования современной культурной эры: усвоение и адаптация античных ценностей (скорее всего под влиянием более раннего итальянского *Rinascimento*), затем трансформация тех же ценностей в новой эпохе Возрождения. Русский язык пережил примерно аналогичные процессы, скорее всего по образцу французского, откуда, вероятно, и укоренилось в русском языке слово *герой*, пришедшее и закрепившееся во время Золотого Века.

Квинтэссенцией этого феномена, безусловно, стал роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, который одним своим названием прочно закрепил ставшее крылатым это выражение и само слово, вытеснив в узуальном отношении

слово *богатырь*. Понятие «герой» в русском языке и контексте переживает особый путь семантического развития без аналогов в европейской мировоззренческой культуре, в том числе и в советский период XX в., когда официально и на государственном уровне награждали «героев Советского Союза», т.е. храбрых солдат, но и не только: напр., особо преданных труду, как Стаханов, или тех, кто становился «героями социалистического труда», что можно называть деривативным образованием с расширенным идеологическим значением, поскольку данный титул получали зачастую те, которых в античности вряд ли бы назвали героями в результате их рода деятельности (особенно это касается ученых за их достижения в научных исследованиях или даже крестьян за сверхнормный сбор урожая). Причём отметим, что в советскую эпоху героями называли не только людей, но это звание также получили 12 советских городов (Москва, Ленинград, Волгоград, Минск, Киев и др.) и даже Брестская крепость (упомянем даже советизм *мать-героиня*, т.е. «многодетная мать», который в современном русском языке употребляется уже только в ироничном или метафорическом значениях). Для аналогии подчеркнём, что Кемалистская Турция также награждала свои города званиями «город-герой», переименовав Мараш в «Кахраманмараш» (Мараш-герой) или Антеп – в «Газиантеп» (Антеп-ветеран).

Сравнение в рамках общеславянского лексикона. Несмотря на то, что в польском греческо-европейская лексема используется и сейчас *heros*, однако в польском даётся предпочтение именно слову *bohater*, что не так глубоко укоренилось в русском языке. Таким образом, «Герой Советского Союза» в польском звучит как «Bohater Związku Radzieckiego», а герой романа «bohater powieści» и т.п. Причём в этом смысле отметим лингвистическую парадоксальность, что в действительности польское слово *bohater* является явным русизмом, который шире пользуется, чем эта лексема в языке-оригинале, т.е. в русском. В связи с вышесказанным рассмотрим понятия «герой» и «героизм» в сопоставлении с другими славянскими языками. Так, в чешском и словацком языках употребляется слов *hrdina*, мотивированное прилагательным *hrdý* – русск. «гордый», тогда как в прошлом использовалось слово *rek* от древневерхненемецкого *reccho* – «авантюрист». В болгарском преимущественно употребляется аналогичное русскому слово *герой*, при этом частотно встречается и общая для всех южных славян лексема болг. *юнак*, образованная от корня **junъ*, т.е. «юный». Однако в сербском и словенском языках слово *јунак* утратило все исконные семантические коннотации, ассоциативно отсылающие к понятию молодости, и стало полным синонимичным аналогом русскому слову *герой*.

Особенности сербского понятия о героизме «*јунак*». При том, что *херој* также существует в сербском языке, самое широко распространенное слово для обозначения рассматриваемого концепта является именно *јунак*. Если довериться сербскому словарю, было несколько архаичных значений, в том числе: самое очевидное – «юный», разумеется, речь шла о мужчине-воине и, что довольно парадоксально, о слуге, что никак не связано с представлениями о славе. Также интересно отметить, что *јунак* не только обозначает героя, но также его лошадь. Этимологическая связь с молодостью и семантическое значение «лошадь» напоминают известное в русском культурном и языковом сознании понятие «джигит». Это тюркское слово также семантически богато. Его многозначность сводится изначально к названию юноши (см. алтайск. *juut*, татарск. и башкирск. *eget*, которые сохранили именно значение «молодой, юный»). Исторически на Кавказе и в Средней Азии слово «джигит» означало умелого и опытного всадника, хотя в современных реалиях это слово носит уже больше этнографический характер, что же касается турецкой лексемы *yig̈it*, то это одно из обычных слов, означающих «герой». Здесь мы констатируем почти полное соответствие между джигитом и юнаком в рамках своих собственных этнографических реалиях. Концепт «*јунаштво*» (т.е. «геройство, героизм») тесно связан с другим сербским понятием, которые закреплены в черногорском девизе «*чојство и јунаштво*». Задача перевода первого слова далеко не из самых простых: несмотря на то, что оно происходит от слова *човек* (т.е. «человек»), оно далеко не тождественно русскому слову «человечность», которая является синонимом слова «гуманность», т.е. «склонность к доброте, снисхождению». Однако в сербском менталитете *чојство* – это совсем другое значение, это совокупность ассоциативных представлений о мужской нраве и силе (Якушкина 2021: 114), нечто схожее с кавказскими адатами, которые трактуются известным в России изречением «главное – быть человеком». Данные понятия, связанные с героем-младцом и человечностью сквозь призму мужественности, подчёркивают выраженную сербскую мировоззренческую и исторически сформированную маскулинность и патриархальность славяно-балканского общества. Следует отметить, что эта совокупность нравов находится под влиянием православной этики, как показывает книга «Примери чојства и јунаштва», собрание моральных сказаний, историй и легенд из Рашки, в которых на первый план выходит такие качества, как победоносное смирение, безусловная жертвенность, или прощение кровников (Поповић 2014).

Особенности сербского понятия о героизме: делија. Вместе с тем существует ещё одно сербское слово со значением «герой», а именно – турцизм *делија*. «Дели» называли кавалерийские подразделения Османской армии, в которой у-

частвовали в основном выходцы из Балкан. Их форма отличалась эксцентричной ухоженной диковиной и состояла из головных уборов, где присутствовали орлиные перья, и одежды из медвежьей, львиной или даже тигровой шкуры. Цель такой вызывающей эксцентричности – однозначно пугать противника. Само турецкое слово *deli* переводится как «сумасшедший, храбрый», что есть краткое определение этих воинов. Однако закономерный вопрос состоит прежде всего в том, что сербский народ славится именно своей бескомпромиссной упёртой и даже заранее проигранной борьбой против османов за гордое сохранение своей идентичности. В качестве примеров приводят обычно воевод Битвы на Косовском поле, князя Лазар и Милош, или архетип гайдуков. Так, в сербском сознании могут сосуществовать образец партизана-разбойника и одновременно понятие «герой» в одном слове *делија*, означающее османского воина, который наравне с другими воинами были исламизированы и участвовали во всех войнах, в том числе против России (Кузнецова, Хмелевский 2020: 435). Никола Николе, французский наёмник, географ Генриха II, путешественник и художник, ездил по Порте в целях разведки. На своём пути он встретил дели, которых тщательно описывал вплоть до иллюстраций, которые сохранились и сформировали наше в том числе и визуальное о них. Из его описаний мы узнаём, во-первых, что дели самых себя называли *zataznicis*, или *zatanici* с весьма ошибочной ассоциативной отсылкой к понятию «заточник», т.е. архаичному сербскому слову, которое француз понял как «мятежный, который должны победить одному десятеро в бой» (Calvi 2013: 17). Словари сербскохорватского языка дают такое определение: «тот, который обязывается что-то совершить, (обычно выйти на поединок)» (Jezikoslovac). Автор предполагает (это его собственные догадки или чьё-то влияние – неизвестно) иллирийское происхождение воинов, что, наверно, сыграло значительную роль в развитии иллирийской идеи среди балканских славян (Calvi 2013: 17). Изюминка встречи автора с дели заключается в том, что дели, вернее, заточник, представляется французам как серб и православный, лишь прикрывающийся исламом. По причине этого исламского термина это смело можно назвать перевернутой таковой (Calvi 2013: 17). Согласно этим описаниям прежде всего сербы героизируют и почитают мужскую бесстрашную и порой грозную силу (в настоящее время образ дели вдохновил фанатов футбольного клуба «Црвена Звезда», которые себя окрестили не иначе как «делије»). Что касается вопроса взаимоотношений с Османской Империей, нужно учитывать несколько факторов: первое, лоялисты той или иной формы всегда были, есть и будут. Второе, речь идёт фактически о наёмных воинах, у которых своя строгая идеология, как правило, отсутствовала. Это подтверждается фактом ликвидации Махмудом II дели после очередной попытки разбойничества одновременно с разгромом янычаров.

Заключение. Сербский язык снова подтвердил свою заманчивую мозаичную лингвокультурологическую сложность и свои парадоксы. С одной стороны, в сербской традиции восхваляются суверенные, преданных князя, православные абреки и нравственные мужчины, с другой стороны, реабилитируются грозные мощные воины, на которых частично опиралась власть чужеземных захватчиков. Понятное дело, что в этом смысле приветствуется не только сотрудничество с гегемоном, но и военные качества и внушенный страх. Опять же здесь проведем очередной «мост» с Северным Кавказом, где горное население, некогда враждебно настроенное против России, служило в спецотрядах царской армии, когда в то же время часть народа «уходила в лес». Столь сложное положение сербского народа в географическом и политическом смысле (на перепутье Востока и Запада) объясняет наличие рассмотренных в главе сербских слов явное отличие от восточных европейских богатырей: если у богатырей хотя бы активно присутствуют элементы магического и мифического, то у сербов мы отмечаем более реалистический подход к историческим фактам и реально существовавшим героическим личностям.

Summary

The European sprachbund often uses well-known established translingual internationalisms expressing common concepts, which occasionally replace already existing cognates with similar or identical definitions. The most shining example is the Greek word *ἥρωας*, which took root in most European languages (fr. *Héros*, eng. *hero*, it. *Eroe*, etc) and have mainly penetrated Eastern-Slavic languages via Polish. The Russian language is not an exception here, especially considering the fact that the unprecedented text of Mihail Lermontov “A Hero Of Our Time” obtained more associative-culturological value for those versed in Russian culture than folkloric plots from “The Three Bogatyrs”. They became a definitive way to express the first concept despite the parallel co-existence of the words *богатырь* and *ἥρωας* in different geographical areas. Even nowadays, words with the same roots are used in Turkic, Mongol and even Western-Slavic languages. Some Slavic languages, during the process of their formation, enriched their vocabulary by preserving synonyms with the same roots, especially the Serbian language, where the Serbian semantic analog *јунак* and the Turkic *делија* are more often used than the Greek *херој*. According to the axiom, every synonym has its own message in the genuine culturologic context, in this paper, we will analyze the deep etymologic semantics of these words in a culturological way, their distinctions and differences from their initial semantic roots, whose meaning has motivated the formation of their own national and Slavic concepts in the context of the lexico-semantic group “hero”.

Литература

- Вейсман, А.Д.** *Греческо-русский словарь*. Москва: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2006.
- Кузнецова, И.В., Хмелевский, М.С.** Ориентализмы – названия титулов и должностей в устойчивых сравнениях южных славян (на фоне других языков). *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 2020 (89), s. 432–439.
- Поповић, М.М.** *Примери чојства и јунаштва*. Београд: Школа гусала Сандић, 2014.
- Преображенский, А.Г.** *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Издательство АН СССР, 1949.
- Срезневский, И.И.** *Материалы для словаря древне-русского языка. Том первый А-К*. Санкт-Петербург: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1893.
- Фасмер, М.** *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс, 1986.
- Черных, П.Я.** *Историко-этимологический словарь русского языка*. Москва: Русский язык – Медия, Дрофа, 1999.
- Якушкина, Е.И.** *Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география (докторская диссертация)*. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021.
- Beekes, R.** *Etymological Dictionary of Greek*. Boston: Brill, 2010.
- Calvi, G.** *Corps et Espaces. Les costumes des Balkans dans l'Europe du XVIe siècle*. Paris: L'Atelier du Centre de recherches historiques, 2013.

Интернет-источники

- Дилите, Д.** *Античная литература. Олимпийские боги*. Режим доступа: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/dilite/olimpijskie-bogi.htm> (2023-04-23).
- Jezikoslovac.** Режим доступа: <https://jezikoslovac.com/word/cv9s> (2023-04-18).
- Orthodidacte, Le dictionnaire.** Режим доступа: <https://dictionnaire.orthodidacte.com/article/etymologie-heros> (2023-04-25).

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0